

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-869-888>

Научная статья / Research article

Отрицательный отбор: запреты и ограничения на комплектование Красной армии по этническому признаку в годы Великой Отечественной войны

А.Ю. Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;
119330, Россия, Москва, Университетский пр-т, 14; besu111@yandex.ru

Аннотация: Статья является продолжением исследования особенностей комплектования Красной армии в период Великой Отечественной войны с учетом этнического фактора, опубликованного во втором номере текущего года данного журнала. На этот раз рассмотрен негативный опыт, связанный с ограничениями и запретами на прием в ряды войск некоторых советских этносов, а также чистками из армии военнослужащих в связи с их национальностью. Проанализированы основные причины и масштабы этого явления, рассмотрена нормативная база ограничений и запретов и ее развитие в течение войны. Установлено, что причиной подобных ограничений могли становиться как политические мотивы (недоверие к гражданам по этническому признаку), так и этнокультурные и языковые особенности военнообязанных граждан определенных национальностей, мешавшие их полноценному использованию на военной службе. Показана практика ограничений комплектования Красной армии по этническому признаку, в том числе и существенные отклонения от нормативных требований, которые допускали воинские начальники на местах. Научная новизна представленного исследования состоит в том, что впервые этнонациональный аспект истории Красной армии в годы Великой Отечественной войны проанализирован с помощью количественных методов исследования, что позволило существенно углубить понимание происходивших в советских вооруженных силах этнических процессов.

Ключевые слова: Красная армия, нерусские народы, национальные воинские формирования, комплектование вооруженных сил

Для цитирования: *Безугольный А.Ю.* Отрицательный отбор: запреты и ограничения на комплектование Красной армии по этническому признаку в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 869–888. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-869-888>

Negative Selection: Prohibitions and Restrictions in Red Army Recruitment on Ethnic Grounds during the Great Patriotic War

Alexey Yu. Bezugolny

Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of
the General Staff of the Armed Forces of Russia;
14, University Av., Moscow, 119330, Russia; besu111@yandex.ru

Abstract: The present article continues the research about the role of the ethnic factor in Red Army recruitment during the Great Patriotic War, the first part of which was published in RUDN Journal of Russian History 19, no. 2 (May 2020). This time the focus is on admission restrictions and prohibitions for certain Soviet ethnic groups, as well as on purges from the army due to soldiers' nationality.

© Безугольный А.Ю., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The contribution analyzes the major causes and the scale of this phenomenon, as well as the regulatory framework of restrictions and prohibitions and their development during the war. It is established that the reason for such restrictions could be political motives (distrust towards citizens on ethnic grounds), but also the ethno-cultural and linguistic features of conscripts coming from certain nationalities, with the idea that these features prevented their full use in military service. The article analyzes the practice of restrictions on ethnic grounds, including cases when military authorities in the field allowed for significant deviations from the regulatory framework. The scientific novelty of the present research consists in the fact that for the first time the ethnonational aspect of the history of the Red Army during the Great Patriotic War is analyzed with quantitative methods, which made it possible to significantly deepen our understanding of ethnic processes in the Soviet armed forces.

Keywords: Red Army, non-Russian peoples, national military formations, recruitment of the armed forces

For citation: Bezugolny A.Yu. “Negative Selection: Prohibitions and Restrictions on Recruitment of the Red Army on Ethnic Grounds during the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 869–888. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-869-888>

Введение

В годы Великой Отечественной войны все усилия органов государственного и военного управления были направлены на максимально возможное вовлечение народов СССР в вооруженную борьбу с врагом¹. Однако была и противоположная по смыслу и содержанию деятельность, целью которой было, напротив, ограничить или вовсе прекратить поступление в ряды войск представителей тех или иных этносов.

Если в первом случае решалась задача массовости и непрерывности потока людских пополнений, то во втором, напротив, вооруженные силы целенаправленно лишались части людских ресурсов. В данном случае органами государственного и военного управления преследовалась иная цель: путем отсева части военнослужащих и ограничения призыва в отношении этносов, по тем или иным характеристикам считавшихся непригодными для военной службы в условиях войны, повысить моральные и боевые качества войск.

Исследование документальной базы, основу которой составили архивные источники хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны (прежде всего, фонд 56 Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии; фонд 7 Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба), Российском государственном архиве социально-политической истории (прежде всего фонд 644 И.В. Сталина) позволяет классифицировать практиковавшиеся в годы войны ограничения на комплектование войск по этническому признаку на две большие категории – ограничения по политическим причинам и ограничения в связи с культурно-языковыми особенностями национальных контингентов.

Историография темы связана, прежде всего, с публикациями Н.Ф. Бугая – одного из ведущих специалистов по истории этнических репрессий в Советском Союзе². Определенный вклад в изучение темы внесен региональными историками, представляющими репрессированные этносы³. Однако эти авторы рассматривали только один аспект ограничений, связанных непосредственно с репрессивными актами в отношении этносов. Как будет показано в данной статье, комплекс ограничений был значительно шире и не обязательно являлся звеном в репрессивной цепочке.

¹ Безугольный А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 298–319.

² Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011.

³ Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. Нальчик, 2004; Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2018.

Ограничения по политическим причинам в начальный период войны

Ограничения по политическим причинам вызывались реальной или мнимой нелояльностью советской власти со стороны представителей ряда этносов (выражавшейся в антисоветском повстанческом движении, уклонении от призыва и мобилизации), или компрометирующим этническим родством с народами, представлявшими враждебные Советскому Союзу государства. Политические критерии при решении о допуске этносов в ряды Красной армии широко применялись и в довоенный период, особенно в 1930-е гг. Они не являлись догмой и использовались довольно гибко, в зависимости от колебаний внутренней и внешней политики государства. В годы Великой Отечественной войны эта тенденция продолжилась: перечень непризываемых народов корректировался и уточнялся в соответствии с обстановкой на фронте и социально-политической ситуацией в национальных республиках СССР. Эти меры носили превентивный, внесудебный и всеобщий (то есть единый для представителей одного этноса) характер.

За годы войны сформировался корпус официальных документов, регулировавших ограничение приема в Красную армию граждан СССР по этническому признаку. Это имевшие совершенно секретный гриф постановления ГКО и приказы НКО, а также директивы начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, ограничивавшие призыв на военную службу значительному числу народов СССР, среди которых были представители этносов, воюющих с СССР; этносов, относимых к родственным с воюющими с СССР, а также народов, чье отношение к советской власти в условиях войны было сочтено «предательским».

Первые призывы и мобилизации начального периода войны осуществлялись без ограничений по этническому признаку. Таковы были: очередной всеобщий призыв граждан 1922 и 1923 годов рождения, объявленный 15 сентября 1941 г. (постановление ГКО № 675с⁴ и приказ НКО № 0355⁵), а также частичные эвакуационные призывы граждан 1904–1895 годов рождения и новобранцев 1922 и 1923 годов рождения, осуществлявшиеся с августа по октябрь 1941 г. в угрожаемых оккупацией областях УССР и РСФСР (постановления ГКО № 452сс от 10 августа, 459сс от 11 августа, 488сс от 15 августа, 506сс от 18 августа, 585сс от 28 августа; 763сс от 11 октября; 807сс от 16 октября, 836сс от 25 октября 1941 г.⁶).

В то же время одновременно с призывами и мобилизациями в войсках Красной армии разворачивались чистки среди военнослужащих – представителей «неблагонадежных» народов. Уже 22 июля 1941 г. директивой НКО № 090 было предписано: «Очистить все части от сомнительных людей (курсив мой. – А.Б.), учтя при этом, что среди призванных в западных областях Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников»⁷.

Недвусмысленно и публично (путем открытой публикации) политическая мотивация власти в национальном вопросе была артикулирована лишь однажды, когда одной из первых в начале войны была репрессирована этническая группа советских немцев. Характерный ход мысли руководства страны демонстрирует указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о выселении немцев Поволжья из мест традиционного проживания и ликвидации государственной автономии советских немцев. Здесь безапелляционно было заявлено, что, «по достоверным данным», среди них «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов (кур-

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153; Д. 7. Л. 16, 70; Д. 8. Л. 34; Д. 9. Л. 127–129; Д. 12. Л. 78, 162, 197–198.

⁵ Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 178, 353.

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153.

⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133 а. Л. 182.

сив мой. – А.Б.), которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы». Однако, указывалось в документе, остальное население из числа немцев якобы не оповещает об этом советские власти, чем содействует шпионской деятельности. Поэтому правительство и вынуждено «принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья»⁸.

Логическим продолжением депортации немецкого населения стала зачистка от них рядов вооруженных сил. Первоначальный вариант приказа НКО, подготовленный Главным управлением формирования и укомплектования Красной армии (Главупраформ) повторял дух и лексику указа Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. В частности, в нем указывалось, что «эти лица (то есть военнослужащие-немцы. – А.Б.)... не могут и не должны пользоваться каким-либо доверием (выделено мной. – А.Б.) бойцов и командиров Красной армии», поскольку могут быть использованы в провокациях германского командования. Проект приказа предлагал изъять весь рядовой и младший начальствующий состав из числа немцев, «установив за ними строжайшее наблюдение», а начальствующий состав – уволить из армий⁹. В итоговом варианте приказа об изъятии немцев мотивировочная часть была опущена.

После репрессии в отношении советских немцев аналогичные акции в отношении других этносов всегда реализовывались в условиях строгой секретности. Ни в одном распоряжении органов власти и военного управления более не содержалось мотивировочной части, которая бы давала объяснение репрессивному императиву о чистке армии от представителей того или иного этноса или же о недопущении их в ряды вооруженных сил.

8 сентября 1941 г. директивой наркома обороны № 35105 было оформлено решение, предписывавшее «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные батальоны»¹⁰. Директива НКО № 35105 допускала представление мотивированных ходатайств от командиров и комиссаров соединений военным советам фронтов на оставление немцев в частях. Однако это было исключением. В дальнейшем и до конца войны распоряжения об изъятии того или иного этноса из армейских рядов, как правило, носили тотальный характер и не предусматривали компромиссов.

Одновременно с немцами в сентябре 1941 г. проходило изъятие из воинских частей, учреждений и заведений граждан СССР, представлявших другие, так называемые *зарубежные национальности*, к которым в это время относили поляков, болгар, греков, чехов, иранцев, а также эстонцев, латышей, литовцев и молдаван¹¹. Директивой заместителя наркома обороны и начальника Главупраформа Е.А. Щаденко № 0477 от 9 декабря 1941 г. о формировании рабочих колонн среди контингентов, определенных на их укомплектование, были и этнические группы граждан СССР, родственные воюющим с Советским Союзом или недружественным ему странам: немцы, болгары, финны, румыны, турки, японцы, китайцы, корейцы, западные украинцы и белорусы, народы Прибалтики, уроженцы Северной Буковины¹².

Оценить численность изъятых из вооруженных сил в начале войны, а также не призванных по политико-моральным соображениям представителей зарубежных национальностей или воюющих с СССР стран весьма затруднительно, поскольку все эти меры являлись импровизацией, принимались в срочном порядке и в условиях непрерывного отступления советских войск. К тому же этот контингент снимал-

⁸ История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.

⁹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 220–221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 195.

¹² Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 105. Л. 8.

ся с военкоматского учета. Очень приблизительно Е.А. Щаденко в своем докладе И.В. Сталину оценил его в 250 тыс. чел.¹³ Несколько более полные сведения имеются о военнопленном немецком населении, включенном в эту общую сумму. 10 января 1942 г. постановлением ГКО № 1123сс «О порядке использования немецко-переселенцев *призывного возраста от 17 до 50 лет* (выделено мной. – А.Б.)» было решено 120 тыс. немцев, уже выселенных в Сибирь и Казахстан, «на все время войны» организовать в рабочие колонны и использовать на лесозаготовках и строительстве железных дорог¹⁴. Постановлениями ГКО 1123сс от 10 января 1942 г. и № 1281сс от 14 февраля 1942 г. они были мобилизованы и использовались на строительстве железных дорог Сталинград – Саратов и Ульяновск – Свияжск¹⁵. Трудно сказать, входили ли в это число немцы-военнослужащие, демобилизованные из вооруженных сил. По данным специализирующегося на изучении этнических репрессий российского исследователя Н.Ф. Бугая, таковых насчитывалось 33 516 чел.¹⁶

В директивных документах об изъятии из войск немцев и уроженцев западных областей (их именовали *западниками*) и представителей *зарубежных национальностей* их этничность прочно увязывалась с мотивом политического недоверия к ним со стороны советской власти. Этот мотив охотно разыгрывался частью советского генералитета и политработниками, особенно в период неудач на фронте. Например, так называемая *засоренность* частей Крымского фронта представителями *зарубежных национальностей* (греками, поляками, болгарями, молдаванами) представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис ставил в вину Военному совету и Политуправлению фронта как грубую политическую ошибку при комплектовании войск¹⁷.

Упомянутая *засоренность* частей Крымского фронта¹⁸ была выявлена Мехлисом в апреле 1942 г., то есть спустя семь месяцев после начала чистки рядов Красной армии от представителей *зарубежных национальностей*. Это означает, что чистки проводились формально. Тоже можно сказать и обо всей Красной армии. Достаточно полно чистка была проведена лишь в отношении немцев. Остальные *зарубежные национальности* были представлены в войсках по-прежнему достаточно широко даже спустя год после начала войны¹⁹. Поэтому в июле 1942 г. потребовалась новая волна чисток. Распоряжением заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко № М/1/2926²⁰ из рядов Красной армии изымались выходцы из западных областей СССР (украинцы, белорусы, поляки, уроженцы Бессарабии и Северной Буковины), немцы, финны (последние – кроме уроженцев СССР, «не вызывавших сомнений»), итальянцы, румыны, венгры, болгары, греки, турки, японцы, китайцы, корейцы «и другие национальности воюющих с нами стран». Всех их предписывалось отсеять из войсковых частей, уволить из Красной армии и немедленно отправить в распоряжение треста «Молотовуголь» (Томская железная дорога)²¹.

Импровизированный характер репрессивной политики приводил к парадоксам. Например, для латышей очевидная репрессия (изъятие из воинских частей как неблагонадежных) наложилась на одновременно протекавшее формирование национальной латышской дивизии. Последняя мера, безусловно, имела поощрительную

¹³ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71 а. Л. 405.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–50.

¹⁵ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 129–130.

¹⁶ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 194.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35.

²⁰ Там же. Ф. 8-й технической бригады. Оп. 92516. Д. 13. Л. 95.

²¹ Там же.

политическую коннотацию, ибо в тех условиях не могла быть истолкована иначе, чем как знак доверия латышскому народу со стороны советского правительства. В дальнейшем эта ситуация повторялась и с другими народами Прибалтики. Например, в начале 1942 г. из эстонцев комплектовались лесозаготовительные отряды, работавшие в тяжелых условиях в Архангельской области, и одновременно формировались сразу две эстонские стрелковые дивизии (7-я и 249-я). В конечном итоге эстонцев из рабочих колонн стали направлять на комплектование стрелковых частей; тем самым две противоположных тенденции сомкнулись. По неполным данным Главупраформа, с начала войны до 1 апреля 1942 г. в Красную армию было призвано 5 тыс. латышей, 8 тыс. литовцев и 26 тыс. эстонцев²².

Ограничения призыва 1942–1943 гг.

Если в 1941 г. ограничения касались, прежде всего, военнослужащих ряда национальностей, то с 1942 г. они стали распространяться на молодежь призывного возраста и на военнообязанных граждан. Следовательно, речь шла уже не о чистке рядов Красной армии, а о недопуске в эти ряды новых контингентов из числа «неблагонадежных» этносов.

Допризывная молодежь из числа *западников* (западные украинцы и белорусы, представители народов Прибалтики, молдаване, карело-финны) приписывалась к призывным участкам наравне со своими русскими сверстниками²³. С объявлением очередных призывов граждане перечисленных национальностей призывались на военную службу, но распределялись в рабочие колонны. Правда, для лиц определенного социального статуса (чьи родители или они сами работали на партийной или советской службе) допускалось зачисление в воинские части, а не в рабочие колонны²⁴. В первой половине 1942 г. по признаку этнического родства с враждебными Советскому Союзу народами отсева также подвергся ряд малых народов, населявших Закавказье, – аджарцы, хевсуры, курды, мохевцы, сваны ряда районов Грузии.

Весной 1942 г. впервые ограничения коснулись северокавказских горцев. Первыми был прекращен призыв чеченцев и ингушей. По неполным данным Главупраформа, до 1 апреля 1942 г. чеченцев было призвано около 25 тыс. чел., а ингушей – около 5 тыс. чел.²⁵ Однако в целом призывы вайнахов в армию в начале войны проходили с большими трудностями. В начале апреля все находившиеся на территории ЧИАССР мобилизованные были распущены по домам²⁶.

26 июля 1942 г. постановлением ГКО № 2100сс была объявлена общегосударственная кампания по призыву в армию «полностью всех граждан» 1924 года рождения²⁷. Само постановление ГКО не содержало ограничений по этническому признаку. Но через несколько дней, 30 июля, в приказе НКО № 0585, разъяснявшем порядок реализации постановления ГКО, было внесено уточнение: «Призыву не подлежат призывники горских национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана, а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью» (т.е. аджарцы, хевсуры, курды, мохевцы, сваны)²⁸. Эта норма в несколько модифицированном виде («не призывать до особых указаний») была повторена в приказе НКО № 0974 от 21 декабря 1942 г., разъяснявшем порядок очередного призыва граждан

²² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.

²³ Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 32. Л. 8.

²⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 734.

²⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.

²⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133 а. Л. 228; Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 93. Л. 222.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–24.

²⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 543.

1925 года рождения²⁹. Характерно, что и в этом случае норма об ограничении призыва не содержалась в исходном в постановлении ГКО № 2640 от 20 декабря 1942 г.³⁰, а появилась лишь в пояснявшем процедуру призыва приказе НКО.

Ограничения призыва северокавказских народов, введенные еще в 1941–1942 гг., сохранялись до конца войны. В 1942 г. они распространились также на адыгейцев, черкесов, которых первоначально не затрагивали³¹, а в 1943 г. – на осетин³². Причины ограничений этого никак не объяснялись государством, однако их следует напрямую связывать с ростом социально-политической напряженности в горских регионах, со срывом мобилизационных мероприятий в ряде из них и фактами массового дезертирства (прежде всего в Чечено-Ингушетии и отчасти – в Дагестане и Кабардино-Балкарии). В дальнейшем, в конце 1943 – начале 1944 гг., факт ограничения призыва в армию учитывался при принятии решений о выселении ряда народов, объявленных «предательскими»³³.

В результате приостановки призыва среди северокавказских горцев образовался большой резерв граждан военнообязанных возрастов. Уже на 1 сентября 1942 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов в своем докладе начальнику Главупраформа оценивал общее количество непризываемых горцев в 88 729 чел.³⁴ Как минимум трижды – 14, 21 декабря 1942 г. и в январе 1943 г. – начальник Главупраформа Е.А. Щаденко по ходатайству Военного совета Закавказского фронта (генерала армии И.В. Тюленева и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича), а также обкомов ВКП(б) ЧИАССР и ДАССР выходил на И.В. Сталина с просьбой отменить постановление ГКО № 2114 от 28 июля 1942 г., запрещавшее использовать в укомплектовании воинских частей, сформированных в СКВО, горцев из Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР. Щаденко подготовил проект постановления ГКО за подписью Сталина, в котором предлагалось призвать в двух республиках по 15 тыс. призывников 1925 года рождения и военнообязанных старших возрастов при условии комплектования ими не более 25 % личного состава каждой воинской части³⁵. Однако добиться отмены запрета не удалось до самого конца войны.

В начале 1943 г., в ответ на настойчивые просьбы республиканских обкомов партии, Чечено-Ингушетии и Дагестану вместо обязательного призыва было предложено провести вербовку добровольцев. Районам республики была выдана разверстка на ожидаемое число добровольцев, после чего вербовка фактически превратилась в принудительный призыв. К середине марта 1943 г. по ЧИАССР удалось завербовать 4208 чел., в основном чеченцев. Но в войска (в 112-й запасный стрелковый полк и 30-ю кавалерийскую дивизию) было отправлено только 1850 чел.³⁶ в связи с высоким уровнем дезертирства, уклонения от явки на сборные пункты и укрывательства вербуемых. Благоприятнее положение складывалось в Дагестане. В течение 1943 г. отсюда в войска было отправлено 4315 чел., представлявших местные национальности, при наряде в 4850 чел.³⁷ Результаты кампании оценивались в Москве не только с

²⁹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 733.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 73. Л. 119–124.

³¹ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 220. Л. 240 об.

³² Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87–89.

³³ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М., 2012. С. 127–172.

³⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 185.

³⁵ Там же. Д. 152. Л. 30–45.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 51.

³⁷ Народы Дагестана в Великой Отечественной войне: (1941–1945). Документы и материалы. Махачкала, 2005. С. 529–530.

военной, но и с политической точки зрения и легли в основу решений о дальнейшей судьбе чеченцев и ингушей.

В целом же кампания вербовки добровольцев существенно не изменила картину использования людских ресурсов северокавказских горцев. По материалам органов комплектования СКВО и Закфронта установлено, что по состоянию на 1 ноября 1943 г. по военкоматам Ставропольского края, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР (все относились к СКВО) и Дагестанской АССР (относился к Закфронту) на учете состояло 91 543 военнообязанных и 30 073 призванного 1926 года рождения горских национальностей, не призываемых в Красную армию по национальному признаку. Общая численность непризываемых граждан горских национальностей составила к концу 1943 г. 121 616 чел.³⁸ В последний период войны эта цифра скорректировалась за счет убытия в места нового поселения и снятия с воинского учета чеченцев, балкарцев, карачаевцев (около 54 тыс. военнообязанных) и постановкой на воинский учет горской молодежи 1927 года рождения (8856 чел.)³⁹, не призванной осенью 1944 г. Обязательный призыв горских народов до конца войны не возобновлялся.

Проведение местными военкоматами регулярных приписок допризывной молодежи к военкоматам и перерегистрации военнообязанных непризываемых национальностей сохраняли возможность возобновления их призыва в последующем, что иногда случалось. Для некоторых народов война начиналась широкими чистками из армейских рядов, но с изменением политической конъюнктуры в дальнейшем их призывали без ограничений или с незначительными ограничениями (эстонцы, латыши, литовцы, поляки, западные украинцы и западные белорусы). И, напротив, прекращение приписки и перерегистрации (например, в отношении репрессированных этносов) означало окончательный отказ государства от их использования для комплектования армии, поскольку лишало органы военного управления актуальных учетных данных о состоянии военнообязанного контингента.

Приток в войска новобранцев представителей этносов, чей призыв был приостановлен, почти прекращался (исключение могло делаться добровольцам), однако лица, призванные ранее, если его этнос не подвергался выселению с исторической родины, продолжали военную службу без ограничений вплоть до Дня Победы.

Этнические репрессии и комплектование Красной армии

Проанализированный комплекс мер, связанный с ограничением комплектования войск представителями ряда этносов, безусловно, являлся актом политического недоверия в отношении них и нередко становился первым шагом в осуществлении репрессий против всего народа, как это произошло с советскими немцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами и рядом других народов, а мог и не становиться таковым (народы Дагестана, осетины, кабардинцы и др.). В отдельных случаях репрессивная акция против всего народа не предварялась приостановкой его призыва в армию, как, например, это было с калмыками, которые без ограничений призывались до конца 1943 г.

Тотальные репрессии в отношении ряда советских этносов, выразившиеся в их поголовном выселении с исторической родины – одна из мрачных страниц истории Великой Отечественной войны. Это жестокое наказание неизбежно касалось и военнослужащих Красной армии, находившихся на фронте. Насколько тотальные репрессии против всего этноса были вызваны собственно воинскими преступлениями (дезертирство, измена родине, саморанения) представителей этносов, подверг-

³⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 408. Л. 419; Д. 407. Л. 260.

³⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–211.

нутых наказаниям? Все правительственные решения о выселении очередного этноса, кроме первого (о немцах) в 1941 г., а также о крымских татарах в 1944 г., содержали шаблонную преамбулу о сотрудничестве с немцами в период оккупации и бандитском движении после их изгнания. Лишь постановление ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах» ставит во главу обвинений воинские преступления предшественников этого народа. Сам документ начинается со слов: «В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах...»⁴⁰.

Большинство же аналогичных государственных решений не содержали обвинений в адрес военнослужащих данной национальности и вообще не упоминают их. Таков процитированный выше указ Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., а также указы Президиума ВС СССР от 12 ноября 1943 г. о выселении карачаевцев⁴¹, от 27 декабря 1943 г. о выселении калмыков⁴², от 7 марта 1944 г. о выселении чеченцев и ингушей⁴³, от 8 апреля 1944 г. о выселении балкарцев⁴⁴, постановление ГКО № 5984сс о выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян⁴⁵, постановление ГКО № 6279сс от 31 июля 1944 г. о выселении из Грузинской ССР турок, курдов, хемшилов⁴⁶.

В служебной переписке органов, осуществлявших репрессивные акции, анализа воинских преступлений этой категории военнослужащих также не обнаружено. Судя по известным обстоятельствам принятия решений о выселении (а эти обстоятельства всегда характеризовались спонтанностью, волюнтаризмом, горячкой) для взвешенного анализа вины наказываемых этносов, потребовавшего бы сбора со всех фронтов большого массива данных, времени не было.

Тем не менее военнослужащие, относившиеся к репрессированному, то есть выселенному с исторической родины этносу, как правило, изымались из воинских частей и увольнялись из Красной армии, хотя они в наименьшей степени заслуживали такой участи. Первоначально их отправляли в запасные части, во внутренние округа или по прежнему месту жительства. 18 ноября 1944 г. Военный совет Главупраформа Красной армии издал директиву № М/1/1746, в которой разъяснял военным советам фронтов и округов, что представители выселенных народов при увольнении из рядов армии должны были отправляться не по месту жительства, а в места нового поселения, которое официально именовалось «вечным». Если же такое место не было определено, то в распоряжение НКВД Казахской или Узбекской ССР⁴⁷.

Составить представление о численности военнослужащих, уволенных и отправленных в места нового поселения можно благодаря послевоенной справке МВД СССР о численности спецпоселенцев, ранее служивших в Красной армии, впервые опубликованной Н.Ф. Бугаев. Справка относится к марту 1949 г. и составлена по итогам перерегистрации спецпоселенцев (табл. 1). Самая многочисленная этническая группа – немцы – разделена в источнике на несколько категорий, в частности, на бывших во-

⁴⁰ Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма... С. 70–73.

⁴¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 476–477.

⁴² Там же. С. 477–478.

⁴³ Там же. С. 491–492.

⁴⁴ Там же. С. 484–485.

⁴⁵ Там же. С. 502–503.

⁴⁶ История сталинского ГУЛАГа... С. 505–507.

⁴⁷ ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 54.

еннослужащих, уволенных с фронта и откомандированных в места нового расселения («выселенные»), категорию репатриированных после войны бывших советских военнопленных. Еще одна категория «мобилизованные», возможно, означает лиц, прошедших в 1941 г. процедуру призыва по мобилизации, однако не оказавшихся на фронте в связи с депортацией немцев. Отметим, что табл. 1 отражает состав спецпоселенцев, не скомпрометированных сотрудничеством с врагом. Военные коллаборационисты всех национальностей, вербовавшиеся также среды военнопленных, в советской лагерной системе проходили по категории «власовцы»⁴⁸. Лица, уличенные в военных преступлениях, отбывали наказание в лагерях НКВД/МВД.

Таблица 1 / Table 1

Справка о численности спецпоселенцев, ранее служивших в Красной армии по состоянию на март 1949 г. / Information on the number of special settlers who previously served in the Red Army as of March 1949

Наименование контингента	Офицеры	Сержанты	Рядовой состав	Итого по контингентам
Немцы, в т.ч.:	3178	8351	53115	64644
– выселенные	1609	4282	27724	33615
– репатриированные	1092	2828	18747	22667
– мобилизованные	326	907	4444	5677
– местные	119	301	2057	2477
– другие	32	33	143	208
Горцы Северного Кавказа, в т.ч.:	710	1696	6488	8894
– чеченцы	238	724	3286	4248
– ингуши	129	211	606	946
– карачаевцы	238	495	1810	2543
– балкарцы	99	243	703	1045
– другие	6	23	83	112
Из Крыма:	569	1660	8663	10892
– греки	8	86	465	569
– болгары	9	79	494	582
– крымские татары	524	1392	7079	8995
– армяне	19	70	485	574
– другие	9	33	19	61
Из Грузинской ССР:	57	459	3559	4075
– турки	24	271	2222	2517
– курды	4	15	122	141
– хемшилы	–	3	4	7
– другие	29	170	1211	1410
Калмыки	383	1118	4683	6184
Поляки	12	104	810	926
Итого	4909	13388	77318	95615

Цит. по: Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма... С. 110–111.

Анализ статистических материалов по личному составу Красной армии позволяет утверждать, что, несмотря на категорический характер требований об изъятии из

⁴⁸ История сталинского ГУЛАГа... С. 543–544.

войск представителей того или иного этноса, таковые никогда не выполнялись полностью. Директивы приходилось повторять по несколько раз. До самого конца войны всегда находились лазейки для того, чтобы оставить в войсках отдельных представителей репрессированных народов, а также для попадания на фронт добровольцев из числа народов, чей призыв был запрещен или приостановлен.

Таблица 2 / Table 2

Численность и удельный вес народов СССР, чей призыв в Красную армию в течение Великой Отечественной войны ограничивался или прекращался / The number and proportion of the Soviet peoples whose military conscription was limited or stopped during the Great Patriotic War

Народы	На 01.01. 1941 г.	Удельный вес в %	На 01.07. 1942 г.	Удельный вес в %	На 01.01. 1943 г.	Удельный вес в %	На 01.07. 1943 г.	Удельный вес в %	На 01.01. 1944 г.	Удельный вес в %	На 01.07. 1944 г.	Удельный вес в %	На 01.01. 1945 г.	Удельный вес в %	Удельный вес среди населения по переписи 1939 г.
Калмыки	2686	0,07	8740	0,09	5906	0,07	7306	0,06	6667	0,06	2351	0,02	2233	0,02	0,08
Финны	3115	0,09	2078	0,02	2266	0,03	1762	0,02	1929	0,02	1655	0,01	1785	0,01	0,09
Немцы	16576	0,46	322	0,003	1427	0,02	170	0,001	294	0,003	169	0,001	183	0,001	0,84
Греки	2529	0,07	2560	0,03	2012	0	2977	0,03	4215	0,037	3375	0,03	3069	0,03	0,17
Китайцы	59	0,002	238	0,002	291	0,003	658	0,006	810	0,007	592	0,005	567	0,005	0,02
Болгары	958	0,03	928	0,01	689	0,008	865	0,007	923	0,008	3516	0,03	2729	0,02	0,07
Поляки	9886	0,27	7212	0,07	5603	0,06	6795	0,06	8228	0,07	18871	0,16	24180	0,2	0,37
Осетины	5242	0,15	15388	0,16	12456	0,14	15425	0,13	14297	0,13	13177	0,11	13222	0,11	0,21
Кабардинцы и балкарцы	3406	0,09	10654	0,11	4810	0,05	5008	0,04	4570	0,04	3473	0,03	3565	0,03	0,11
Чеченцы и ингуши	4827	0,13	4446	0,04	3386	0,08	4008	0,03	3536	0,03	1720	0,01	1635	0,01	0,3
Народности Дагестана	11489	0,32	25739	0,26	18094	0,2	18292	0,16	12538	0,11	10962	0,09	10360	0,08	0,5
Всего	60773	1,68	78305	0,80	56940	0,66	63266	0,54	58007	0,52	59861	0,50	63528	0,52	2,66

Источник: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Как видно из данных табл. 2, к началу войны удельный вес ряда народов, призыв которых в Красную армию в течение войны ограничивался или прекращался, в целом соответствовал их удельному весу среди населения СССР, что представлено в последней колонке (финны, калмыки, северокавказские народы). Доля других (немцы, греки, болгары, китайцы) уже была значительно ниже вследствие развернувшихся еще до войны зачисток Красной армии по этническому признаку. К концу войны в абсолютных значениях представительство этих народов существенно не изменилось (60,8 тыс. чел. – в 1941 г. и 63,5 тыс. чел. – в 1945 г.), но удельный вес и тех и других (с учетом многократного прироста численности Красной армии в целом), был уже многократно ниже довоенного уровня (например, калмыков – в 4 раза, народностей Дагестана – в 6,25 раза, чеченцев и ингушей – в 30 раз). При этом лишь у одного этноса – немцев – он стремился к нулю. Иными словами, представители этой национальности были вычищены из армии полностью.

Все остальные этносы, чей призыв был прекращен, сохраняли порой многотысячное представительство в Красной армии.

Ограничения по культурно-языковым признакам

В годы Великой Отечественной войны широко практиковался и другой тип ограничений комплектования Красной армии, связанный с культурно-языковыми особенностями военнообязанных определенных национальностей. Как и ограничения по политическим мотивам, он применялся в течение всей войны, но имел своего рода перерыв, вызванный крупномасштабным экспериментом по воссозданию и боевому применению национальных частей (конец 1941 г. – первая половина 1943 г.). Целью этого типа ограничений было нивелировать негативное влияние культурно-языкового барьера в воинском коллективе. Проанализированные документы позволяют утверждать, что эти ограничения не носили репрессивного характера. В то же время они имели более значительный масштаб, чем репрессивные ограничения по политическим мотивам. Как и первый тип ограничений, второй также был апробирован еще в довоенный период. Собственно говоря, практически весь межвоенный период комплектование РККА нерусскими народами носило ограниченный характер как раз по причине культурно-языковых особенностей контингента. Относительно незначительный масштаб ежегодного призыва позволял пренебречь им. Военнослужащими неславянских национальностей комплектовали в основном национальные части, имевшие небольшую штатную емкость.

Первый массовый военный призыв без различия национальностей состоялся только в 1939 г. Однако он выявил неготовность многих этносов к службе в смешанных воинских частях. Это было связано с незнанием новобранцами русского языка (русский язык как обязательный предмет в национальной школе был введен только в 1937 г.). Поэтому в осенний призыв 1940 г. квота на уроженцев Средней Азии и Закавказья была сокращена. Прилагались усилия для срочного обучения допризывной молодежи русскому языку. Однако в столь короткий срок, оставшийся до начала войны, эта проблема не могла быть решена. Проходившая в январе – феврале 1941 г. переписка допризывников 1922 года рождения показала, что до решения языковой проблемы было еще далеко. Так, по Среднеазиатскому военному округу (САВО) было выявлено 64 500 чел., не владевших русским языком, 18 476 чел. – по Грузии, 7758 чел. – по Армении, 1683 чел. – по Чечено-Ингушской АССР и т.д.⁴⁹ Военнообязанное население (т.е. лица старших возрастов) в массе своей имело значительно худшую общеобразовательную и языковую подготовку, чем призывники, что определилось уже по итогам мобилизации летом 1941 г.

Это заставляло власть вновь и вновь прибегать к проверенному приему ограничения призыва по этническому признаку. Правда, в условиях войны острый дефицит в людях значительно сузил пространство для маневра. Ограничения в комплектовании войск гражданами определенных национальностей, связанные с их культурно-языковыми особенностями, были введены в ходе первого же планового призыва, состоявшегося осенью 1941 г. Во исполнение приказа НКО № 0355 и директивы заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко за № /1/1875 от 21 сентября 1941 г. надлежало до 15 октября 1941 г. призвать в ряды Красной армии всех граждан, родившихся в 1922 году, а также граждан 1921 года рождения и старше, не призванных ранее, и граждан 1923 года рождения с полным средним и высшим образованием. При этом по Среднеазиатскому военному округу годные к строевой службе призывные ресурсы надлежало использовать следующим образом: на укомплектование запасных и иных частей Красной армии направля-

⁴⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 1933–1945. М., 2009. С. 606.

лись граждане только девяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, морд-вины, евреи, армяне, грузины, поволжские татары⁵⁰, а также азербайджанцы, владевшие русским языком⁵¹. Во исполнение приказа десятки тысяч призывников местных национальностей пяти союзных республик – Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской, Туркменской ССР – проходили общую для всех процедуру призыва, однако для укомплектования строевых частей не использовались. Несмотря на это, повсеместно призыв обставлялся как торжественное мероприятие; на митингах призывники записывались добровольцами, требуя скорее отправить их на фронт.

Одновременно с проведением призыва, в конце сентября 1941 г., распоряжением командующего войсками Среднеазиатского военного округа⁵² «в целях очистки запасных частей от морально-разложившихся, политически неустойчивых и физически непригодных к службе элементов», из запасных частей увольнялись в запас представители среднеазиатских народов, а также лица, имевшие судимость, родственников за границей и т.п.⁵³ Увольнению в запас подлежали узбеки, таджики, туркмены, казахи, каракалпаки, киргизы, уйгуры, дунгане и бухарские евреи. Таковых только по пяти запасным частям САВО (79-му запасному стрелковому полку, 32-й запасной стрелковой бригаде, 16-му запасному кавалерийскому полку, 13-му запасному автомобильному полку и 86-му запасному зенитному артиллерийскому полку) насчитывалось 12 295 чел.⁵⁴

Первоначально все лица коренных национальностей, прошедшие призыв, а также отчисляемые из воинских частей отправлялись в распоряжение военкоматов для дальнейшего увольнения в долгосрочный отпуск (запас) и отправки по месту жительства. Однако уже в начале октября 1941 г. было объявлено о формировании в САВО предназначенных для использования в народном хозяйстве рабочих колонн штатной численностью в 1000 чел. каждая⁵⁵. С этого времени новобранцы среднеазиатских национальностей обращались на укомплектование рабочих колонн, причем представители коренных национальностей не назначались в колонны, предназначенные для работы на территории САВО⁵⁶. Увольнение их в запас было приостановлено. Но, поскольку штатная емкость рабочих колонн была невелика, а сами они только начинали формирование, национальные контингенты надолго задерживались без дела в запасных частях. В результате у их командиров возникал вопрос: «А кормить их кто будет?»⁵⁷.

По результатам призыва в САВО призывников перечисленных выше девяти национальностей 1923–1921 годов рождения и граждан старших возрастов, допущенных к зачислению в боевые части, подавляющее большинство из которых составляли русские и украинцы, было выявлено 18 189 чел. В то же время в рабочие колонны было зачислено 135 327 чел., или в 7,5 раз больше призывников всех оставшихся 56 национальностей, в том числе: 58 346 узбеков, 28 776 казахов, 14 955 таджиков, 11 532 киргиза, 10 016 туркмен, 2109 каракалпаков, 531 уйгуров и много других представителей коренных народов⁵⁸. Часть из этих призывников военкоматы успели отправить в запасные части, и теперь они подлежали отчислению. В документах такие лица именовались обобщающими терминами, имевшими очевид-

⁵⁰ В источнике – «казанские татары».

⁵¹ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 229.

⁵² Там же. Д. 16. Л. 139–139 об.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Д. 42. Л. 16; Д. 16. Л. 150.

⁵⁵ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 121–122.

⁵⁶ Там же. Л. 32, 59.

⁵⁷ Там же. Л. 119.

⁵⁸ Там же. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 33.

ную негативную и уничижительную коннотацию: «контингент, не являющийся полноценным в политическом и боевом отношении»⁵⁹ и даже «неполноценный личный состав»⁶⁰ или «неполноценный контингент»⁶¹.

Безусловно, отказ от приема в войска представителей среднеазиатских национальностей продолжал довоенную тенденцию ограничения их призыва, начатую в предвоенные годы в связи с выяснением низкого качества местных ресурсов. В то же время в мероприятиях штаба САВО в сентябре – октябре 1941 г. проявилась недооценка масштабов развернувшейся войны и, как следствие – расточительное отношение к людским ресурсам среднеазиатских союзных республик. Очевидно, первоначально политическое и военное руководство страны полагало, что по традиции можно будет обойтись без проблемного национального контингента, требовавшего дополнительных усилий для адаптации к военной службе.

Складывалась парадоксальная ситуация: десятки тысяч молодых людей не допускались в строевые части по признаку этнической принадлежности, хотя никаких конкретных претензий к ним не было. Штабом округа особо подчеркивалось, что «*национальный контингент [направляется] только в рабочие колонны* (выделено нами. – А.Б.); в запасных частях использовать их не можем. Как крайняя мера: если не будет места в рабочих колоннах, можно передавать [их] в запас»⁶². Между тем, по крайней мере, часть новобранцев местных национальностей обладала хорошим образованием в 7–8 классов, прошла длительную допризывную военную и спортивную подготовку, сдала нормы ГТО, обучалась русской грамоте и разговорному русскому языку. Многие войсковые начальники, пребывая в затруднении, запрашивали у штаба САВО разъяснения. Осознавая необоснованность спущенного сверху требования, окружной штаб фактически предоставил право решать самим начальникам: «В отношении призывников [местных национальностей] решите сами: наиболее ценный для вас контингент можете отобрать, остальных вернуть в военкоматы»⁶³. Еще в одном распоряжении заместителя начальника штаба САВО полковника Коничева⁶⁴ содержалось положение о том, что представители национальностей, предназначенных к отсеву, служившие ранее в Красной армии, должны были оставаться в составе частей. Это же касалось и лиц, выписывавшихся из госпиталей⁶⁵.

В ноябре 1941 г., когда на государственном уровне было принято решение о формировании десятков национальных соединений, часть оставшихся в запасных частях военнообязанных среднеазиатских национальностей, не успевших пополнить рабочие колонны, была обращена на их укомплектование.

11 апреля 1942 г. постановлением ГКО № 1575сс наиболее качественный контингент призывников среднеазиатских национальностей 1922 и 1923 годов рождения, а также военнообязанных не старше 30 лет в количестве 150 тыс. чел. (50 тыс. казахов и 100 тыс. узбеков) все-таки был призван в армию⁶⁶. Во исполнение решения ГКО командующий войсками округа приказал военным комиссарам Казахской и Узбекской ССР подбирать прежде всего граждан, ранее служивших в армии или прошедших подготовку в системе Всевобуча, обеспечив партийно-комсомольскую прослойку среди них не менее 20 %. В начале августа 1942 г. в САВО также были призваны граждане 1924 года рождения без ограничения по национальному при-

⁵⁹ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 31.

⁶⁰ Там же. Л. 51.

⁶¹ Там же. Л. 54.

⁶² Там же. Л. 118.

⁶³ Там же. Л. 19–21.

⁶⁴ Инициалы не установлены.

⁶⁵ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 366, 371, 375.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3.

знаку («полностью все граждане»)⁶⁷. Таким образом, молодежь местных национальностей республик Средней Азии, имевшая в своей массе более высокий образовательный ценз по сравнению с военнообязанными старших возрастов, в основном была призвана в армию.

Дальнейшее формирование рабочих колонн и передача их гражданским наркоматам была прекращена в начале весны 1942 г. в связи с кампанией по изысканию дополнительных людских ресурсов для комплектования действующей армии⁶⁸. Однако многие, уже сформированные и переданные гражданским наркоматам рабочие колонны, просуществовали почти всю войну. Во второй половине 1944 г. они были расформированы, но их военнослужащие остались закреплены за теми предприятиями, на которых работали⁶⁹. Всего за годы войны в САВО на работы было мобилизовано 628,9 тыс. военнообязанных, трудившихся на 681 предприятии⁷⁰.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, обозначенный грандиозными победами советских войск в начале 1943 г. под Сталинградом, а летом 1943 г. – на Курской дуге, серьезно отразился на структуре комплектования Красной армии людскими ресурсами. Быстрое продвижение советских войск на запад в 1943 г. способствовало значительному притоку в войска славянских контингентов с освобожденных территорий России и Украины.

Между тем к началу 1943 г. в союзных республиках Закавказья и Средней Азии годные к строевой службе людские ресурсы, удовлетворяющие требованиям строевой службы по физическому развитию, уровню образования, знания русского языка, значительно сократились. Например, по Закавказскому фронту к исходу 1943 г. в Красную армию было призвано 1 290 658 призывников 1922–1925 годов рождения и военнообязанных, в том числе по Грузинской ССР – 538 025 чел., Азербайджанской ССР – 424 772 чел., Армянской ССР – 205 861 чел.⁷¹ Запас военнообязанных до 50 лет и призывников 1926 г. рождения по Закавказью составлял на 1 декабря 1943 г. лишь 255 тыс. чел.⁷² Особенно тяжелая демографическая ситуация сложилась в Армении. На 15 октября 1943 г. на общем учете Армянского РВК оставалось немногим более 18 тыс. мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и еще 12,5 тыс. чел. состояли на спецучете (т.е. были забронированы за народным хозяйством)⁷³. Молодые возрасты (до 35 лет) из числа военнообязанных были исчерпаны практически полностью. На комплектование войск поступал некачественный контингент. Вот типичная жалоба того периода от одного из строевых командиров: «Для покрытия некомплекта наших частей Упразформ Закавфонта необходимого контингента пополнения не дает, предлагая людей необученных, старых возрастов, местных национальностей и не владеющих русским языком»⁷⁴.

Между тем требования к профессионализму бойцов Красной армии в последний период войны значительно возросли. Усложнялись программы обучения личного состава воинским специальностям. Вводились новые боевые уставы и наставления. Появилось большое количество сложных видов техники и вооружения. Уже

⁶⁷ Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг. Сборник документов. Алматы, 2010. С. 321.

⁶⁸ С этой целью была издана серия постановлений ГКО и приказ НКО (ГОКО № 1475с, 1476с от 21 марта 1942 г., ГОКО № 1526сс от 3 апреля 1942 г., НКО № 0242 от 5 апреля 1942 г.)

⁶⁹ Рассекреченная война... С. 512.

⁷⁰ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад, 1981. С. 153–154.

⁷¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 501. Л. 365–367.

⁷² Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 58.

⁷³ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 521. Л. 260.

⁷⁴ Там же. Оп. 1063. Д. 689. Л. 127.

с середины 1943 г. было строго запрещено направлять в действующие части красноармейцев, прошедших курс подготовки в запасных частях сроком менее шести месяцев⁷⁵ (ранее минимальным сроком были три месяца подготовки). С 1944 г. в части направлялись только годные к строевой службе, то есть физически здоровые военнослужащие.

Совокупность изложенных обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что именно послужило причиной того, что перед очередным призывом молодежи 1926 года рождения, 9 октября 1943 г., директивой начальника Главупраформа генерал-полковника Е.А. Щаденко № М/1/1493 был «до особых распоряжений» приостановлен призыв молодежи «местных национальностей» из Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. Этой директивой также продлевалась приостановка призыва из автономных республик и областей РСФСР: Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской АО⁷⁶. Положения этой директивы были развиты в специальном постановлении ГКО № 4322 от 13 октября 1943 г. (в котором в отношении перечисленных этносов использовался более категоричный императив: «призыву не подлежат»)⁷⁷ и в директиве Главупраформа № М/1/1498 от 16 октября 1943 г. Фронтам были разосланы частные разъяснения этих документов. Например, штабу Закавказского фронта было указано, что на укомплектование соединений и частей фронта надлежит призывать лиц 1926 года рождения «только русской, украинской, белорусской и других некавказских национальностей»⁷⁸.

По всему Советскому Союзу к осени 1943 г. на учете состояло 1115 тыс. призывников 1926 года рождения всех национальностей. В связи с тем, что часть из них не подлежала призыву (забронированные за промышленностью, негодные по болезни), по расчету Главупраформа можно было призвать около 745 тыс. чел.⁷⁹ В ходе призывных мероприятий явилось на призыв 824,5 тыс. чел., из которых было признано годными к строевой службе 692,2 тыс. чел., а отправлено в войска – 599 тыс. чел. Освобождению по национальному признаку подлежало 146,5 тыс. призывников из числа коренных национальностей Закавказья, Средней Азии и автономных республик и областей РСФСР. Еще 4883 чел. не были призваны с формулировкой «по национальному признаку», то есть как представители *зарубежных* этносов⁸⁰. В совокупности удельный вес освобожденных по национальному признаку призывников достигал 21,9 % к общему числу молодежи, признанной годной к строевой службе, и 25,3 % к числу отправленных в войска.

Молодежь 1926 года рождения из Закавказья и Средней Азии получила годичную отсрочку на прохождения обязательной общеобразовательной подготовки (в том числе русскому языку) и лечения. Этот контингент был призван следующей осенью, в 1944 г., вместе с общесоюзным призывом граждан 1927 года рождения. Их число по САВО составило 65,9 тыс. чел., по Закфронту – 57,9 тыс. чел.⁸¹ Результаты призыва показали, что отсрочка пошла на пользу, поскольку большинство призывников успели пройти необходимые учебные и оздоровительные мероприятия⁸².

⁷⁵ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 365.

⁷⁶ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–3.

⁷⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 190–191.

⁷⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 279.

⁸⁰ Там же. Оп. 12216. Д. 10. Л. 33–35 об.

⁸¹ Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 31–32.

⁸² Рассекреченная война... С. 546.

В свою очередь, молодежь местных национальностей Средней Азии и Закавказья 1927 года рождения осенью 1944 г. также получила годичную отсрочку и до конца войны уже не успела призваться. Осенью 1944 г. от призыва молодежи 1927 года рождения по этой причине было освобождено около 130 тыс. призывников, что составило почти 10 % от всех призывников этого года рождения, состоявших на воинском учете (1360 тыс. чел.), и около трети от всех освобожденных в этом году от призыва (всего было освобождено 501 тыс. чел., большинство из которых – учащиеся, студенты и работники оборонных отраслей). В то же время происходили частичные призывы молодежи указанных возрастов в интересах добывающих, промышленных и строительных наркоматов, то есть фактически речь шла о мобилизации рабочей силы по типу мобилизаций в рабочие колонны в 1941–1942 гг.⁸³

Введенная в октябре 1943 г. приостановка призыва местных национальностей Закавказья и Средней Азии в полной мере распространялась и на категорию военнообязанных (то есть лиц старших возрастов). Их обязательный призыв, в отличие от молодежи, более не возобновлялся до конца войны, хотя добровольные формы набора для них были открыты. Это был наименее качественный с точки зрения годности к военной службе контингент – как правило, люди, не обученные военному делу, физически слабые, не владевшие русским языком, неграмотные и малограмотные. По Закавказью по состоянию на 15 октября 1943 г. числилось 63 875 чел. строевых и 86 442 чел. нестроевых, а всего – 150 317 военнообязанных местных национальностей общего учета (т.е., не забронированных за народным хозяйством) в возрасте до 50 лет⁸⁴. К окончанию войны этот показатель незначительно изменился, сократившись до 145,9 тыс. чел.⁸⁵ В свою очередь, по САВО по состоянию на 1 июля 1944 г. числилось 385,7 тыс. чел. годных к строевой службе военнообязанных, призыв которых в армию не осуществлялся⁸⁶. Таким образом, к концу 1943 г. по Закавказью и САВО число военнообязанных национальностей, чей призыв был приостановлен, в последний период войны превысил полмиллиона человек.

Постепенное, происходившее в течение всей войны расширение перечня не призываемых этносов имело следствием дальнейшее усложнение терминологии, которой органы военного управления пользовались для их обозначения в руководящей и делопроизводственной документации. Все это отражало дифференцированный подход государства к не призываемым этносам. С 31 октября 1943 г. директивой Генерального штаба и Главупраформа КА № Моб/2/4061 для военных округов и недействующих фронтов была введена форма регулярного донесения об остатках ресурса военнообязанных (форма ГУФ-1). Она включала в себя цифровые данные на две категории не призываемых по национальному признаку национальностей: 1) «призывников местных национальностей, временно освобожденных от призыва»; 2) «не подлежащих призыву по национальным признакам». В первую входили местные (коренные) этносы СССР, а во вторую – этносы, имевшие «материнский» этнос за пределами Советского Союза.

В дальнейшем терминология в нормативных документах только усложнялась. В постановлениях ГКО № 6784сс⁸⁷ и 6786сс⁸⁸ от 25 октября 1944 г., регламентиро-

⁸³ Рассекреченная война... С. 512–513.

⁸⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 407. Л. 260–262.

⁸⁵ Там же. Д. 731. Л. 13, 57.

⁸⁶ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа... С. 127.

⁸⁷ «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения».

⁸⁸ «О призыве на военную службу призывников, родившихся в 1926 г., местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик».

вавших порядок очередного призыва граждан 1927 года рождения, перечислялись три группы народов, не призываемых в Красную армию:

1) граждане 1927 года рождения «местных национальностей, освобожденные от призыва» (к этой категории были отнесены: коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО РСФСР);

2) «временно освобожденные от призыва до особого указания» (репрессированные народы СССР, а также поляки, чехи, словаки и польские евреи);

3) «совсем не призываемые» – советские граждане, этнически родственные народам, чьи государства находились с СССР в состоянии войны или были недружественны ему (немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки)⁸⁹.

В постановлениях ГКО в силу их специфики (они касались только призыва молодежи очередного возраста) не упоминались военнообязанные старших возрастов «местных национальностей, освобожденные от призыва» (коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также автономных республик РСФСР на Северном Кавказе). Фактически это была четвертая не призываемая по национальному признаку категория граждан.

Общую численность людских ресурсов (военнообязанных и призывников) коренных национальностей Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа и ряда других регионов, которые были выведены из процесса комплектования Вооруженных Сил СССР по национальному признаку, по состоянию на конец 1944 г. автор оценивает не менее чем в 857,6 тыс. чел. Но важно подчеркнуть, что эти данные заведомо неполны, поскольку нет точных учетных сведений по численности военнообязанных и призывников так называемых зарубежных национальностей и ряда репрессированных национальностей. По немцам есть данные только на уволенных из рядов Красной армии бывших военнослужащих. Численность не призванных в начале войны военнообязанных немецкой национальности неизвестна.

Выводы

В течение Великой Отечественной войны Советское государство полностью или частично отказалось от комплектования Красной армии всеми без исключения коренными народами Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. Общее по стране число национальностей, не призывавшихся в армию по различным причинам, к концу 1943 г. превысило четыре десятка (включая полиэтничный термин «дагестанцы»)⁹⁰. В этом отношении СССР приблизился к показателям дореволюционной России, где в армию также не призывалось несколько десятков этносов и групп этносов (метаэтнических общностей)⁹¹ (в советской литературе называлась цифра 45 народов⁹²). Более того, даже беглого взгляда достаточно, чтобы заметить много совпадений между двумя эпохами. Само по себе существование таких ограничений – очевидный признак непреодоленных культурно-языковых, социальных, политических различий между господствующим русским этносом и многими народами, населявшими нашу страну. При этом практику комплектования войск царской России можно охарактеризовать как инертную и ригидную, в то время как советская система, напротив, была конъюнктурной и гибкой. Если большинство этносов из дореволюционного списка никогда не несло военной службы, то политическая или культурно-языковая непригодность народов из аналогичного советского

⁸⁹ Рассекреченная война... С. 514.

⁹⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–219, 308; Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 57.

⁹¹ Сиднев А. Ф. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 114.

⁹² Кирсанов Н. А. В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 29.

списка была определена и установлена предшествующей практикой военной службы представителей этих народов.

Подводя итог изучению практики комплектования рядов Красной армии представителями нерусских народов СССР в годы войны, можно сделать вывод, что она развивалась в двух направлениях. С одной стороны, получила дальнейшее развитие тенденция последних предвоенных лет, связанная с апробированным в 1939–1940 гг. массовым призывом нерусских военнообязанных на военную службу. Эта мера, несмотря на издержки, сыграла важную компенсаторную функцию, заместив в первый и второй периоды Великой Отечественной войны дефицит славянских ресурсов в связи с оккупацией противником многонаселенных территорий Украины, Белоруссии и европейских областей РСФСР. Республики Советского Союза внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом. С другой стороны, получило дальнейшее развитие ограничение приема в армию ряда этносов, которые по различным причинам считались руководством государства и вооруженных сил неподходящими для военной службы.

Эти противоположные по смыслу и содержанию тенденции отражали столь же противоречивые потребности воюющего государства: с одной стороны – критически важную необходимость быстрого возмещения невиданных ранее в истории войн потерь действующей армии; с другой – стремление государства отгородить армию от элемента, по тем или иным критериям признаваемого небоеспособным, отрицательно влияющим на исход боевых действий.

Изменение стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую сказывалось на этнических акцентах в комплектовании Красной армии. Неизменной оставалась роль станового хребта Красной армии, которую исполнял русский этнос, испытывавший демографическое перенапряжение в течение всей войны. Кроме русских ряд других этносов также испытали в разные периоды войны резкие перегрузки, носившие, однако, временный характер. В 1942 г. это были народы Закавказья; в 1942–1943 гг. – народы Средней Азии; с середины 1943 г. повышенная демографическая нагрузка выпала на плечи освобождаемых народов – украинцев, к которым в 1944 г. присоединились белорусы, молдаване, жители Прибалтики. Тюркские и финно-угорские народы РСФСР, а также евреи, проживавшие в основном глубоко в тылу, в течение войны также активно пополняли ряды армии, но чрезмерных перегрузок не испытывали.

Реализация второй (ограничительной) тенденции, как показал анализ, выразилась в приостановках обязательного призыва среди ряда этносов, количество которых к концу войны достигло нескольких десятков. Для целого ряда этносов приостановка призыва в армию стала первым звеном в цепи репрессивных акций, окончившейся принудительным выселением всего народа в отдаленные регионы СССР и обернувшейся для них тяжелыми демографическими потерями. В то же время исследование показало, что многократное сокращение представительства репрессированных народов на фронте объективно сокращало уровень их боевых потерь и в определенной степени компенсировало демографические потери, связанные с депортацией.

Рукопись поступила: 6 сентября 2019 г.

Submitted: 6 September 2019.

Библиографический список

Безугольный А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 298–319.

- Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. 479 с.
- Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К, 2011. 510 с.
- Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев. М.: Мысль, 1984. 263 с.
- Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы: (док. и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов и др. Махачкала: Ин-т ИАЭ: ЦГА РД, 2005. 783 с.
- Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2018. 520 с.
- Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 492 с.
- Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад: [Б.и.], 1981. 513 с.

References

- Bezugol'nyy, A.Yu. "The Ethnic Aspect in Red Army Recruitment During the Great Patriotic War: A Historical and Statistical Review." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (2020): 298–319 (in Russian).
- Bezugol'nyy, A.Yu., Bugay, N.F., and Krinko, Ye.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: Problemy istorii, istoriografii, istochnikovedeniya*. Moscow: ZAO Tsentropoligraf Publ., 2012 (in Russian).
- Bugay, N.F. *Deportatsiya narodov Kryma. Dokumenty, fakty, kommentarii*. Moscow: INSAN Publ., 2002 (in Russian).
- Bugay, N.F. *L. Beriya – I. Stalinu: «Posle Vashikh ukazaniy provedeno sleduyushcheye...»*. Moscow: Grif i K Publ., 2011 (in Russian).
- Kakagasanov, G.I., ed. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy: (dok. i materialy)*. Makhachkala: In-t IAE: TsGA RD Publ., 2005 (in Russian).
- Kirsanov, N.A. *V boyevom stroyu narodov-brat'yev*. Moscow: Mysl' Publ., 1984 (in Russian).
- Ochirov, U.B., and Zayarnyy, S.A. *Klyatve ostalis' verny: istoriya formirovaniya i boyevogo puti 110-y Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii*. Elista: Kalmytskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2018 (in Russian).
- Oshayev, Kh.D. *Slovo o polku checheno-ingushskom. Sbornik dokumental'no-khudozhestvennykh proizvedeniy*. Nal'chik: El'-Fa Publ., 2004 (in Russian).
- Sukhar', M.Ya. *Voyenno-mobilizatsionnaya rabota Sredne-Aziatskogo voyennogo okruga, republik Sredney Azii i Kazakhstana po podgotovke mobilizatsionnykh rezervov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)*. Ashkhabad: [S.n.], 1981 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Безугольный Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Alexey Yu. Bezugolny, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher at Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia.